

Игумен Дамаскин (Орловский),
*секретарь Синодальной комиссии по канонизации святых,
клирик города Москвы*

ПОДГОТОВКА МАТЕРИАЛОВ К КАНОНИЗАЦИИ НОВОМУЧЕНИКОВ НА ПРИМЕРЕ КОМИССИИ ПО КАНОНИЗАЦИИ СВЯТЫХ МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ

На XX Международных Рождественских образовательных чтениях мы говорили о том, что есть шесть вопросов, на которые необходимо ответить всем занимающимся подготовкой материалов, касающихся священнослужителей и мирян, пострадавших во время гонений на Русскую Православную Церковь, для включения их имен в состав Собора новомучеников и исповедников Российских.

Во-первых, – это необходимость собрать все судебные-следственные дела, чтобы предупредить возможные последствия – когда в одном судебном-следственном деле обвиняемый держится определенной нравственной позиции, а, будучи арестован впоследствии, отказывается от нее, меняя ее иногда на противоположную.

Во-вторых, нужно точно знать, не был ли обвиняемый обновленцем или григорианцем, то есть, нет ли в его случае препятствий для включения его имени в Собор новомучеников, имеющих канонический характер, на что из материалов судебного-следственного дела не всегда можно получить ответ.

В-третьих, таким же каноническим препятствием является снятие сана; однако, есть случаи, когда снявший сан священник продолжал служить, впоследствии был арестован, но в судебном-следственном деле нет информации о снятии сана.

В-четвертых, требуется изучение того, нет ли препятствий, которые мы относим к препятствиям нравственного характера, когда священник вел образ жизни достаточно далекий от нравственного, но в судебном-следственном деле не признал себя виновным в предъявляемых ему следователем обвинениях.

В-пятых, особенно сложный вопрос для занимающегося изучением материалов о новомучениках – не привлекался ли обвиняемый свидетелем по делам других обвиняемых. Вопрос, на который очень сложно бывает ответить, но без ответа на него нельзя быть уверенным, что материалы подготовлены до конца.

И, в-шестых, вопрос столь же сложный для ответа – не являлся ли пострадавший в 1920–1930-х годах священнослужитель или мирянин секретным сотрудником НКВД. В обозримом будущем ответить на этот вопрос вряд ли удастся.

Чтобы несколько осветить проблемы, возникающие при исследовании судебно-следственных дел, мы расскажем о работе Комиссии по канонизации святых Московской епархии. Можем только добавить, что работа этой Епархиальной комиссии на практике подтвердила, что все перечисленные вопросы весьма актуальны, и без ответа на них принятие положительных решений вряд ли возможно. Выводы из работы этой Епархиальной комиссии тем более важны, что большинство епархиальных комиссий работало по принципу изучения отдельных персоналий и связанных с ними единичных дел, а московская – по изучению целостного архивного комплекса.

Работа, связанная с подготовкой материалов к канонизации новомучеников Московской епархии, была начата весной 1999 года с изучения документов судебно-следственных дел крупного и важного архивного фонда 10035 «Управление Комитета Государственной безопасности СССР (УКГБ) по г. Москве и Московской области», хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). В настоящее время в фонде сосредоточено 98 064 дела за 1918–1988 годы, переданных из архива Управления ФСБ по г. Москве и Московской области в 1998–2001 годах. Они заведены на арестованных по политическим статьям (преимущественно статья 58 УК РСФСР), не систематизированы и не подкреплены научно-справочным аппаратом.

Как правило, архивный фонд отражает лишь делопроизводство того учреждения, к которому он принадлежал, соответствуя тем практическим решениям задач, которые являлись содержанием работы учреждения; он не располагает инструментарием для решения задач, поставленных исследователем, в рамках разработки им тем отечественной истории или тем, связанных с канонизацией. Обычно только после разработки архивного фонда многими исследователями мы можем получить справочный аппарат, который может быть использован при дальнейшей исследовательской работе.

При Комиссии по канонизации святых Московской епархии была образована рабочая группа из сотрудников фонда «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви». При ежедневной работе, приблизительно в течение семи лет, в ней одновременно работали от трех до семи человек, которые занимались просмотром всех судебно-следственных дел фонда 10035 и изучением их содержания, что только и могло дать результаты – общее понимание процесса и выработки соответствующих методик, касающихся изучения подобного рода документов. Только благодаря целенаправленной и ежедневной работе, можно было просмотреть фонд и выделить дела тех, кто относится к Православной Церкви, и уже более детально изучить их, одновременно изучая другие фонды, касающиеся персоналий новомучеников, расспрашивая оставшихся в живых свидетелей, изучая фонды в других архивах – от очень больших, таких, как бывший архив Святейшего

Синода (РГИА), и относительно малых собраний, таких, как Рукописный фонд Российской библиотеки или фонд при ГИМе.

Работа была разбита на несколько этапов, которые через некоторое время стали проводиться одновременно. В первую очередь были упорядочены извлеченные ранее сотрудниками архива из дел фотоснимки репрессированных граждан: систематизированы в алфавитном порядке фамилий 3 167 фотографий и к ним составлена опись. Поскольку к этому времени был известен список священнослужителей, которые пострадали на Бутовском полигоне, то с исследования судебно-следственных дел, относящихся к нему, и была начата работа. Однако, было ясно, что имеющийся список пострадавших далеко не полон, поскольку был составлен по одному признаку – был ли осужденный расстрелян на Бутовском полигоне. В «расстрельных списках» Бутовского полигона не было тех, которые в 1937–1938 годах приговаривались к длительным срокам заключения, а также и тех, кто в начале 1930-х годов приговаривались к относительно небольшим срокам и затем арестовывались вторично в других областях, в местах ссылки или заключения. Все это требовало отдельной исследовательской работы по нахождению мест их жительства, ареста, времени и мест кончины. По этой причине и встала задача: выявление всех имен священнослужителей и мирян Русской Православной Церкви, пострадавших на территории г. Москвы и Московской области, судебно-следственные дела о которых отложились в архиве УКГБ по г. Москве и Московской области, переданном в ГАРФ, что стало возможно только с помощью сплошного просмотра всех дел фонда 10035. Каждое судебно-следственное дело фонда рассматривалось в такую меру подробностей, которая позволяла определить принадлежность человека к Русской Православной Церкви. Сам по себе просмотр всех дел фонда давал некоторое понимание о социальных группах, которые тогда арестовывались, о характере людей и их занятиях.

Работа по подготовке и изучению материалов пострадавших в г. Москве и в Московской области священнослужителей и мирян строилась следующим образом. Сначала изучались судебно-следственные дела на группу лиц, материалы о которых предполагалось представить вниманию членов Епархиальной комиссии по канонизации святых. Затем рассматривались и изучались материалы архивных дел, в которых можно было найти дополнительную информацию, – в архивах Москвы (ЦИАМ) и Московской области (ЦГАМО), в архиве Московской Патриархии, в котором сохранился небольшой фонд с послужными списками на священнослужителей за 1920–1930-е годы, основной период репрессий. И таким образом биография священнослужителя дополнялась персональной информацией, находящейся в других фондах государственных архивов – из послужных списков, наградных листов, а также сведениями из

периодических изданий, церковных ведомостей и других изданий, личных архивов родственников и опросов свидетелей.

Иногда в судебно-следственном деле встречались неточности в дате и месте рождения; в этом случае исследователи обращались в региональные архивы и их филиалы для получения метрической выписки о рождении, для уточнения данных об образовании в них же запрашивались сведения об учебе в духовном училище или духовной семинарии.

Содержащиеся в судебно-следственных делах сведения о местах служения в значительной степени облегчали задачу поиска в архивах послужных списков и других документов, а просмотр епархиальных газет – помог выявить персональную информацию и творческие материалы новомученика, если он писал статьи, проповеди и т.п.

Важным этапом изучения материалов было изучение их с позиций – не принадлежал ли репрессированный священнослужитель к обновленцам. Для этой цели были установлены приходы московских и подмосковных храмов, принадлежавших в конце 1920-х–1930-х годов к обновленческому, а также использовался список обновленцев, служивших в 1920-х–1930-х годах в храмах Москвы и Московской области, обнаруженный в архиве. По следственным делам были установлены храмы и составлены списки со служившим в них духовенством, многие из которых были расстреляны или получили длительные сроки заключения в период репрессий 1937–1938 годов.

При просмотре судебно-следственных дел исследователи руководствовались критериями отбора как дел обвиняемых, так и свидетелей, так как в делах духовенство часто проходило не только в качестве обвиняемых, но и свидетелей, поэтому было очень важным и существенным изучить эти дела. В соответствии с этим составлялись картотеки судебно-следственных дел священнослужителей, монашествующих и послушников, церковнослужителей, председателей и членов церковных советов, просфорниц, «активных церковников», юродивых, мирян всех направлений: тихоновского, единоверческого, старообрядческого, обновленческого, григорианского, истинно-православной церкви, а также тех, кто отрекся от сана и перестал служить. Существенным элементом изучения судебно-следственных дел было изучение всего корпуса свидетелей и их показаний. Для выработки методики работы с судебно-следственными делами, когда речь шла о канонизации пострадавших священнослужителей и мирян, изучение состава и показаний свидетелей имело существенное значение. Обычно показания свидетелей не изучаются, – а при современном законодательстве и ограничениях в представлении их исследователям и не предоставляются. Однако, с точки зрения изучения истории, психологии и, в особенности, подготовки материалов к канонизации, они имеют важнейшее значение по той причине, что обвиняемые иногда сами выступают в качестве свидетелей.

Допустим такую ситуацию. Архив даже бы и создал справочный аппарат ко всему комплексу судебно-следственных дел, но кто будет отражен в картотеке такого аппарата? Только обвиняемые. В том случае, если мы изучаем судебно-следственные дела лишь относительно интересующих нас персоналий, мы никогда не можем быть уверены, что человек, судебно-следственные дела которого мы изучаем, не проходит свидетелем по делам других обвиняемых. Что могло остановить следователя вызвать в качестве свидетеля еще не арестованного (или уже арестованного) человека? Ничего. И это действительно делалось. Даже если мы, пользуясь составленной архивом картотекой обвиняемых священнослужителей, изучим все дела этой категории обвиняемых, можем ли мы быть вполне уверены, что человек не проходил свидетелем по делам мирян, которые в картотеке никоим образом не могут быть обозначены.

Обычно исследователь, изучающий судебно-следственные дела духовенства, ориентируется на интуицию, то есть на свое сложившееся по разным косвенным признакам, по симпатиям и антипатиям впечатление об изучаемом человеке. Однако, если в отношении живущих среди нас людей интуиция и может что-то нам подсказывать, то в отношении почившего человека интуиция нам не может сказать ничего. Действуют лишь наши впечатления, наши пристрастия, а они могут быть и ошибочными. В отношении почившего человека необходимо иметь абсолютное знание, а такое знание есть только у Бога. Для того, чтобы составить более или менее объективное представление о том или ином историческом деятеле, надо предпринять долгие и кропотливые исследования, при которых будет учитываться многофакторность его жизни, влияние внешних обстоятельств, воспитания, мировоззрения, его нравственного устройства и многое, многое другое. Свидетельством трудностей, с которыми сталкивается исследователь при определении характера личности и действий почившего человека, являются споры, которые ведутся в течение многих лет вокруг тех или иных исторических фигур.

По итогам просмотра всех судебно-следственных дел был составлен алфавитный указатель обвиняемых и свидетелей с указанием номера судебно-следственного дела, позволяющий найти по фамилии человека, а затем дело для детального изучения. В результате сортировки были установлены обвиняемые, проходившие по двум, трем и четырем делам.

После просмотра 96 064 судебно-следственных дел было выявлено 2 261 дело, заведенное на священно- церковнослужителей и православных мирян, в том числе – 94 дела на позднее освобожденных подследственных¹ и 18 – прекращенных дел. В делах выявлен 591

---

¹ Причинами освобождения служили зачастую согласие сотрудничать с органами ЧК-ОГПУ-НКВД и в редких случаях ходатайства близких.

свидетель из духовенства и верующих мирян, 170 свидетелей было осуждено.

Большинство рассмотренных судебно-следственных дел возникли в ходе внесудебного рассмотрения тройками при Управлениях НКВД СССР и отличаются по составу от дел, решаемых в судебном порядке. По этому признаку дела внесудебного следствия можно разделить на две группы: дела, включающие только обязательные следственные документы, и дела содержащие, помимо указанных, еще и приобщенные в качестве вещественных доказательств те или иные материалы, изъятые у обвиняемых при аресте.

Первая группа дел содержит справку как формальное основание на арест; постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения, анкету арестованного²; справку сельсовета о социальном и имущественном положении обвиняемого и его характеристику с краткими сведениями; ордер на производство обыска; протоколы обыска, допросов обвиняемых и свидетелей³ (в том числе новые, составленные в 1940–1950-х годах в связи с пересмотром дел) и очных ставок; обвинительное заключение по делу; выписки из протоколов заседания тройки при Управлении НКВД СССР и из акта о приведении приговора в исполнение; справку о смерти обвиняемого (составлялась по запросам родственников в 1950-е годы) и по судебно-следственному делу; протест (в порядке надзора); заключение.

Вторая группа дел богаче по составу, так как помимо следственных документов включает личные документы, финансовые и имущественные, официальные документы Церкви, творческие материалы и фотографии.

Обращает на себя внимание значительное видовое разнообразие и специфика материалов и официальных документов Церкви. Их значимость в том, что государственные архивы имеют огромные пробелы в источниковой базе историко-церковных документов 1920–1940-х годов, которые могут быть частично восполнены личными документами из судебно-следственных дел при условии специального анализа их информационных возможностей. В делах фонда обнаружены: 171 послужной список, 10 дневников и дневниковых записей и десятки писем.

В целом для следственных дел 1937–1938 годов характерна высокая степень формализации документирования судебно-следственных действий. Для документов этого периода характерно не только большое количество орфографических и синтаксических ошибок, опусков и исправлений, но и наличие искажений имен, фамилий, путаницы в

---

² Фотографии обвиняемых на анкетах, как правило, отсутствуют. Нередко они вложены в дела (иногда в конвертах или прикреплены к обложкам скрепками). В случаях, когда обвиняемые приговаривались к различным срокам заключения, их фотографии в следственных делах отсутствуют, поскольку переданы вместе с делами заключенных по месту отбывания наказания.

³ Формуляр этого документа имеет две разновидности (краткую и полную).

определениях духовного сана и звания, специфических сокращений, применяемых следователями, следов изъятия и неоднократной перенумерации листов в деле, а также номеров самих следственных дел.

Для исследователя это имеет существенное значение, так как говорит о бывших ранее в наличии каких-то других документах, которые затем были из основного корпуса судебно-следственного дела изъяты; например, это могли быть протоколы допросов, в которых содержалась не относящаяся к теме конкретного следствия информация: следователь занес эту информацию в протокол допроса, но затем, посчитав ее нежелательной, уничтожил протокол, а листы дела перенумеровал. Это очень интересный и важный для исследователя вопрос, особенно для епархиальных комиссий по канонизации – насколько может быть умышленно сфальсифицирован следственный процесс, или документы вполне отражают факт времени и место своего создания. Анализ тысяч дел показывает, что искажения могут возникнуть только из-за изъятия документов – или людьми, ведущими следствие, или позже, сотрудниками ведомственных архивов. Именно в этом случае изъятые документы наиболее серьезным образом оказывают влияние на общую информационную ценность комплекса документов. Все это затрудняет работу исследователей, вынужденных проводить дополнительные изыскания и последующую идентификацию проходящих по делам лиц. Особые условия создания такой документации требуют повышенного внимания к использованию содержащейся в ней информации.

Для объективной интерпретации этой группы источников важно понять не только самих авторов документов (обвиняемых, следователей, свидетелей), но и основу их взаимодействия. Отношение органов репрессивной власти к священно- церковнослужителям и верующим было все годы репрессий однозначно негативным и враждебным. Арестованный человек обвинялся в чудовищных преступлениях, и цель обвинения была – любыми способами добиться признания им вины в антигосударственной или контрреволюционной деятельности, то есть заставить человека выступить в качестве лжесвидетеля и против себя, и против других. Документы свидетельствуют о том, что следователи твердо придерживались этой позиции, стремясь к поставленной цели в рамках установленного процессуального порядка. Однако, несмотря на это, многие протоколы допросов обвиняемых содержат дополнительную информацию о их жизни, взглядах на события действительности, религиозных убеждениях. В случае, когда протокол составлялся следователем со слов обвиняемого, несмотря на желание следователя ограничить содержание документа рамками, продиктованными идеологией следственного трафарета, сюда все же проникали характеризующие человека психологические особенности и речевые обороты, которые содержат весьма ценные сведения о конкретном человеке. Но даже тогда, когда протокол писался следователем вообще

без привлечения обвиняемого, а иногда и в его отсутствие, то и в этом случае, прежде всего, важна реакция подследственного на индивидуально или коллективно составленный текст. Информацией для нас в этом случае является – ставил ли обвиняемый под протоколом после ознакомления с ним свою подпись, или следователь вынужден был его переписывать и корректировать. (Следователь был обязан знакомить обвиняемого с текстом протокола допроса, о чем ярко свидетельствуют протоколы, где обвиняемыми были неграмотные люди. В конце допросов, в которых отражалась религиозная позиция таких обвиняемых и нежелание признать навязываемые следователем преступления, они ставили вместо подписи один или три креста, или по требованию следователя оставляли отпечаток пальца.)

Взаимодействие обвинения и обвиняемого находит свое разрешение в обвинительном заключении, основанном на протоколах допросов свидетелей и обвиняемого и зачастую объективно интерпретирующем позицию обвиняемого в признании или непризнании вины. При общем, заданном государством параметре – оказывать давление на обвиняемого, многие из них отрицали какую-либо вину, соглашаясь умереть, но не погрешить против истины, что показывает духовную и нравственную высоту священнослужителей и мирян при общем упадке нравственности, характерном для нашего общества в конце XIX – начале XX века. Представляется бесспорным тот факт, что власть, образовавшаяся в результате Октябрьского переворота, прописавшая в своих основных идеологических постулатах враждебное отношение к религии вообще, а к православию в особенности, изначально преследовала Русскую Православную Церковь в лице священнослужителей и мирян. Однако, при самом пристрастном отношении и желании выделить по каким-либо признакам верующих из общего числа арестованных на территории Москвы и Московской области, цифры свидетельствуют, что из общего числа арестованных, документы на которых отложились в фонде 10035 во временных рамках с 1918-го по 1988 год, при общем числе 98 064 судебно-следственных дел, верующие проходили по 2 261 делу. Даже, если предположить, что часть дел осталась за пределами нашего рассмотрения в Центральном архиве ФСБ, то и в этом случае разница будет не слишком значительная. Это, однако, нисколько не умаляет значения Церкви и влияния ее на общество, и в особенности во времена кризиса, так как в данных случаях действуют ценностные ориентиры, оказывающие большое влияние на общество, имеющее расплывчатое представление о нравственных ценностях. Об этом влиянии нам говорит вся история христианства.

Судебно-следственные дела являются ценным источником, свидетельствующим как о жизни Русской Православной Церкви в годы репрессий, оставивших нам не так уж много документов, так и о духовной высоте и мужестве ее священнослужителей и мирян.

Анализ судебно-следственных дел фонда позволил установить факт предшествующих арестов обвиняемых, а также в некоторых случаях о приговоренных в 1937–1938 годах к 10 годам заключения – время и место их кончины. В этих случаях для проведения дальнейших поисков составлялся исследовательский план, включавший в себя выверенную на основании уже имеющихся фактов и знаний гипотезу, где следует искать промежуточные дела, а также в какой области следует запрашивать информационные центры МВД для получения сведений о времени и месте смерти репрессированных священнослужителей или мирян. Анализ судебно-следственных дел, полученных из Центрального архива ФСБ, а также архивов областных управлений ФСБ, показал, что в делах 1937 года обвиняемые указывали не все свои аресты, и таким образом, при получении второго судебно-следственного дела оказывалась необходимость запрашивать следующее, и так далее. Запрошенные дела не только дополняли новыми сведениями материалы к биографии пострадавшего священнослужителя или мирянина, но и обнаруживали факты, препятствующие их канонизации. Исследовательская работа по установлению места и дня кончины, в свою очередь была важна не только тем, что в результате определялся день памяти того, чье имя включалось в Собор новомучеников и исповедников Российских, но иногда она проясняла вопрос – был ли или нет находящийся в заключении или в ссылке священнослужитель или мирянин вновь арестован по новому предъявленному ему обвинению. Бывали случаи, когда проживший многотрудную жизнь исповедник, не в силах был пройти последнего испытания своей веры и терпел нравственное и духовное поражение. Некоторые из арестованных в заключении подписывали показания, написанные следователем, стремившимся сформировать из заключенных большие групповые дела, в которых они оговаривали себя и других лиц. Поиск отсутствующего судебно-следственного дела является очень важным этапом в подготовке материалов к канонизации, так как при отсутствии хотя бы одного судебно-следственного дела невозможно ставить вопрос о включении имени пострадавшего в Собор новомучеников и исповедников Российских.

Подводя итоги работы Комиссии по канонизации святых Московской епархии, можно сказать следующее. Были выявлены все судебно-следственные дела арестовывавшихся и осужденных в Москве и Московской области за период советской власти, хранящиеся в фонде, одном из самых больших по числу дел, в сравнении с теми, что находятся в других областях.

На 46-ти заседаниях Епархиальной комиссии были рассмотрены все имеющиеся материалы на священнослужителей и мирян, включая те, в которых содержались препятствия канонического и нравственного характера для включения их имен в состав Собора новомучеников и исповедников Российских. Материалы на 507 человек было решено

передать на рассмотрение Синодальной комиссии. В весьма значительной части судебно-следственных дел не удалось найти сведений о времени и месте кончины проходивших по ним лиц, несмотря на предпринятые значительные усилия по их поиску. Об остальных, хотя и имеются сведения об их кончине, но сведения о их жизни настолько скудны, что не представляется возможным, основываясь только на них, включить их имена в состав Собора новомучеников и исповедников Российских.

К настоящему времени работу с фондом 10035 можно считать завершенной. Об этом свидетельствует и та мотивация, по которой Епархиальная комиссия принимала решения о невозможности включить те или иные имена пострадавших в Собор новомучеников и исповедников Российских – это недостаточные сведения о их жизни. Если до 2003 года формулировками отрицательного решения были – принадлежность к обновленцам или григорианцам, лжесвидетельство против других, оговор на следствии себя и других, сотрудничество с НКВД, недостойный пастыря образ жизни, то, начиная с 2004 года, основанием для непринятия положительного решения стал недостаток сведений. Однако, как выяснили исследования фонда судебно-следственных дел, это было весьма обосновано, так как при недоисследованности жизни пострадавшего священнослужителя или мирянина в настоящий момент, могли выявиться впоследствии факты, препятствующие включению его имени в Собор новомучеников и исповедников Российских, то есть этот пункт представляется столь же серьезным препятствием для рассмотрения материалов, как и другие. Кроме исчерпанности материалов судебно-следственного фонда рабочей группой и Епархиальной комиссией, появился и еще один фактор – это изменение законодательства, касающееся допуска к работе с судебно-следственными делами, когда стала в принципе невозможна тщательная проверка материалов по судебно-следственным делам в фондах других архивов⁴.

На работе Комиссии по канонизации святых Московской епархии и были окончательно отработаны те историко-церковные принципы, которые впоследствии стала использовать Синодальная комиссия по канонизации святых. В результате этой работы были выявлены сложные

---

⁴ Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук, утвержденные приказом Минкультуры РФ от 18.01.2007 № 19; Методические рекомендации ВНИИДАД «Обеспечение доступа пользователей к документам государственных и муниципальных архивов Российской Федерации и организация пользования ими». - М., 2009. – 47 с.; Приказ Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации и Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 25 июля 2006 г. № 375/584/352 «Об утверждении «Положения о порядке доступа к материалам, хранящимся в государственных архивах и архивах государственных органов РФ прекращенных уголовных и административных дел в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, а также фильтрационно-проверочных дел». - М., 2006. - 9 с.

случаи и проблематика, с которыми может столкнуться исследователь, способы и средства, к которым следует прибегнуть, чтобы избежать ошибок при необходимости делать окончательный вывод, принимать положительное или отрицательное решение, или прийти к выводу, что на данной стадии изучения вопрос не имеет своего разрешения.